

развития). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Свердловск, 1973. С. 25.

S.A. Bakanov
FACTORS DECLINE OF THE COAL INDUSTRY
IN THE URALS 1960-80-S.

In this paper we study the factors that influenced the decline of the coal industry in the Urals in 1960 - 80s. Among them: the profitability of production, depletion of resources, technological and institutional changes, as well as competition from substitute products.

Keywords: coal industry, the Urals, the profitability of the industry, resource depletion

Е.Ю. Баранов*

ФАКТОРЫ И ИНДИКАТОРЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ
КРИЗИСОВ НА УРАЛЕ В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В статье дается теоретическая характеристика продовольственного кризисов на Урале в период индустриализации. Рассмотрена роль государственной аграрной политики.

Ключевые слова: продовольственные кризисы, индустриализация, Урал, СССР, государственная политика

В 1930-е гг. в СССР произошла сложная общественная трансформация, включившая в себя коренные преобразования во всех сферах жизнедеятельности советского общества. Форсированная индустриализация, сплошная коллективизация, репрессивная политика, инициированные партийно-государственным руководством, определили основные направления дальнейшего социально-экономического развития страны. Следствием аграрной политики, ущемлявшей социально-экономические интересы деревни, стали продовольственный кризис, недопотребление и голод.

Тема голода начала 1930-х гг. в СССР стала дискуссионной в мировой историографии. Центральными дискуссионными вопросами остаются проблемы факторов, причин голода, их иерархии и последствий этого социального бедствия. Основными территориями, охваченными голодом в 1932–1933 гг., стали Украина, Казахстан, Поволжье, также голодом были поражены территории Северного Кавказа, Западной Сибири, Центрально-Черноземной области. Голод проявился и на Урале.

К субъективно-политическим факторам продовольственного кризиса и голода относится комплекс мероприятий в рамках аграрной политики, реализуемых через сплошную коллективизацию, раскулачивание, заготовительную политику и проводившихся во многом в интересах форсированной индустриализации. К объективным факторам можно отнести плохие погодные условия, обусловившие неурожай и недород в 1931 и 1932 гг. Непосредственные причины голода – это низкие урожаи и высокие объемы заготовок.

На Урале резкий спад урожайности зерновых наблюдался в 1931 г. Толчком к недороду стала засуха, распространившаяся поч-

* Баранов Евгений Юрьевич - кандидат исторических наук, доцент, ИИиА УрО РАН. eubaranov@yandex.ru

ти по всей территории Урала. В Зауралье летом 1931 г. значительная часть посевов погибла от суховея [5, с. 255]. В Уральской области²⁴³ урожайность зерновых составила 2,7 ц с га²⁴⁴, а в Центральном и Южном Зауралье – соответственно 1,4 и 0,6 ц с га, то есть основные зернопроизводящие зоны региона были поражены неурожаем. В Южном Зауралье пшеницы собрали 0,6, ржи – 1,1, овса – 0,3, проса – 1,9, ячменя – 0,2 ц с га [10, с. 167]. В следующем 1932 г. погодные условия оказались также неблагоприятными. Второй год подряд был недород хлебов.

Колхозно-совхозный сектор, доминировавший в сельхозпроизводстве с 1931 г., не смог противостоять природно-климатическим условиям и удержать объемы производства. Сплошная коллективизация, не сопровождавшаяся достаточными механизацией и агрикультурной работой, разрушавшая прежний аграрно-хозяйственный уклад, обусловила кризис сельского хозяйства в 1931–1933 гг. Объемы валовой продукции зерновых культур в области за 1928–1933 гг., несмотря на рост посевных площадей, не только не увеличились, но и снизились с 46891 до 42445 тыс. ц. В 1931 г. были собраны самые низкие валовые сборы зерновых культур за период 1928–1933 гг. (17728 тыс. ц), производство зерновых сократилось в 2,6 раза по сравнению с 1928 г. Валовые сборы зерновых 1932 г. были на 32,9% ниже сборов последнего года «доколхозного периода» – 1928 г.²⁴⁵

Стремление руководства страны в интересах форсированной индустриализации максимизировать изъятие сельхозпродукции из деревни привело к завышению заготовительных планов в неурожайном 1931 г. и недородном 1932 г., планы хлебазаготовок которых превышали планы конца 1920-х гг. почти в два раза. В ходе заготовок изымалось даже зерно из семенных и кормовых фондов, а также предназначенное для личного потребления. В счет хлебазаготовок в эти годы из уральской деревни было вывезено по разным оценкам от 32 до 45% собранного зерна. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, и привело к тяжелейшему продовольственному кризису и голоду [4].

Продовольственное положение уральского населения ухудшилось еще в конце 1920-х гг. На почве недостатка хлеба распространялись слухи о голоде, войне, скором свержении советской власти²⁴⁶. Ускоренные в начале 1929/30 хозяйственного года темпы коллективизации и хлебазаготовок обусловили тяжелую ситуацию с продовольствием в весенне-летний период сельскохозяйственных работ. В ряде округов были зарегистрированы многочисленные случаи употребления в пищу суррогатов, заболевания людей по причине голодания. Для обеспечения себя пищей крестьяне вынуждены были забивать молочный скот и размалывать семенное зерно [8, с. 475]. «Продовольственные затруднения» вызвали волну массовых и групповых высту-

²⁴³ Уральская область – административно-территориальное образование в составе РСФСР, существовала с ноября 1923 г. по январь 1934 г., включала территории современных Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, а также частично территории Башкортостана и Удмуртии. После ликвидации из состава Уральской области были выделены Обско-Иртышская, Свердловская и Челябинская области.

²⁴⁴ ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75.

²⁴⁵ Посчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.

²⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 29, 31, 46, 47, 50, 54.

плений, в ходе которых крестьяне взламывали частные и общественные амбары и «растаскивали» хлеб, в том числе семенные фонды.

Острые «продовольственные затруднения» население стало испытывать в конце 1931 г. Запасы хлеба в хозяйствах отсутствовали. Крестьяне питались в основном картофелем и суррогатами. Вследствие отсутствия питания закрывались детские и образовательные учреждения. В некоторых районах школьники голодали. Нечем было снабжать сельских специалистов. На почве голода в колхозах падала дисциплина, наряды на работы не выполнялись, колхозники не выходили на работу, повсеместно крестьяне самовольно уходили на заработки на промышленные предприятия. В декабре 1931 г. в областные партийно-государственные структуры, Уралколхозсоюз стали поступать в большом количестве ходатайства от райкомов ВКП(б), райисполкомов, райколхозсоюзов и отдельных колхозов о предоставлении продовольственной помощи [7, с. 48–51].

Продовольственный кризис, усилившийся в конце 1931 г., обернулся серьезным голодом в 1932–1933 гг. В этот период продовольственные резервы на местах истощились, в отдельных районах отсутствовали даже суррогаты. В колхозах началась паника, некоторые колхозы развалились. Из колхозов бежали не только рядовые колхозники, но и члены правлений. Наиболее пораженными территориями стали районы Центрального и Южного Зауралья. Однако в течение 1932 г. голод охватывал все большую территорию. Он распространился на территорию Северного Зауралья, Предуралья.

Центральное и местное руководство вынуждено было реагировать на «продовольственные затруднения» в деревне. Остро нуждавшимся районам оказывалась продовольственная и семенная помощь, которая предоставлялась хозяйствам социалистического сектора в виде ссуд. Оказание подобной помощи преследовало цель обеспечения посевных и уборочных работ трудоспособными людскими ресурсами и семенным материалом. «Продовольственная помощь» оказывалась хозяйствам социалистического сектора и во второй половине 1932 г., и в 1933 г. Но ее, не соответствовавшие потребностям селян, размеры, как и некоторое снижение хлебозаготовительных планов, не смогли исправить критическую ситуацию. И в связи с недостатком продовольствия в деревне происходили хищения зерна и продуктов питания.

Партийно-государственное руководство, несмотря на явные признаки голода, не предприняло адекватных кризисным условиям мер по ликвидации продовольственной проблемы. Ситуация наибольшим образом обострилась в 1933 г., когда голод достиг своего пика. В целом ряде районов Уральской области крестьяне вынуждены были питаться домашними животными, грызунами, трупами павшего скота, на почве недоедания и голода получили распространение заболевания органов пищеварения, голодные отеки – «опухания»²⁴⁷, известны факты самоубийств и антропофагии. Представи-

²⁴⁷ Так указывалось в документах. Видимо, имеется ввиду тяжелая форма алиментарной дистрофии (голодной болезни, безбелкового отека, голодного отека) – болезни длительного недостаточного питания, проявляющейся общим истощением, отеками, расстройством всех видов обмена веществ, дистрофией тканей и органов с нарушением их функций, когда отечная жидкость скапливается в подкожной клетчатке и серозных полостях.

тели партийно-государственных и силовых структур фиксировали смертность вследствие голода. В спецсправке секретно-политического отдела ОГПУ от 3 апреля 1933 г. отмечены острые «продовольственные затруднения» и голод в Челябинском, Усть-Уйском, Троицком, Камышловском, Багарякском, Бродокалмакском, Ярковском, Бердюжском, Ольховском, Сухоложском, Шадринском и других районах Уральской области. В спецсправке говорилось о трупоедстве в ряде районов области, употреблении в пищу кошек и собак и распространении заболеваний на почве голода [9, с. 662–663]. В период весенней посевной кампании 1933 г. в Слободотуринском районе колхозники питались суррогатами (льняная, конопляная и гречневая мякина, корни и стебли подсолнуха, рогоза и другие), ели крыс, воровали и «растаскивали» трупы павших животных, выкапывали их на скотомогильниках. На почве систематического недоедания отмечались заболевания с симптоматикой голодных отеков с летальными исходами [1, с. 3, 194, 198, 199].

Голод, если не в абсолютной, то в латентной форме (хроническое недоедание, белковое, витаминное голодание), пришлось испытать большей части населения региона. Крестьяне пытались спастись от голода путем бегства в города. Властные структуры стремились прекратить усилившийся в связи с голодом отток крестьян из деревни. Бегство крестьян на промышленные предприятия было ограничено проведением паспортизации по закону от 7 декабря 1932 г. Также согласно закону от 17 марта 1933 г., крестьянам запрещалось оставлять свои колхозы в поисках работы без разрешения руководства и без предоставления документов о готовности предприятия принять на работу колхозника.

В условиях вызванного форсированной индустриализацией роста численности городского населения невыполнение хлебозаготовок, развал внутреннего рынка повлекли за собой ухудшение продовольственного снабжения населения, занятого в промышленности. Ни карточная система (1929–1934 гг.), ни легализация колхозной торговли в 1932 г., ни разрешение свободной продажи хлеба в 1933 г. не решили продовольственной проблемы горожан, постоянно испытывавших продовольственный дефицит, голодание.

Голод и критическая эпидемиологическая обстановка отрицательно отразились на воспроизводстве населения. В первой половине десятилетия произошло падение рождаемости. Наибольшее сокращение рождений в Уральской области дали «голодные» 1932 и 1933 гг., а в самом критическом 1933 г. смертность превысила рождаемость. Максимальных величин число смертей достигло в августе 1933 г., когда в области было зафиксировано 32,9 тыс. умерших²⁴⁸. За восемь месяцев 1933 г. количество смертей выросло более чем в 2,5 раза. В этом году негативные явления в демографической сфере Уральской области приобрели характер катастрофы. Рождаемость не смогла

²⁴⁸ Ряд ученых пишет о недоучете демографических событий в 1930-е гг. в связи с тем, что советские статистические органы не могли охватить учетом всю сельскую местность, полагая при этом, что только около 30% умерших вследствие голода было зарегистрировано [см.: 2, с. 79–83; 3, с. 42–43, 47].

компенсировать высокую смертность, что обусловило естественную убыль населения, которая составила 37,7 тыс. чел.²⁴⁹ Естественная убыль населения проявилась в этом году на территориях современных Свердловской и Челябинской областей²⁵⁰. Демографическая ситуация в регионе стала нормализоваться только осенью 1934 г.

Очередной продовольственный кризис последовал за достаточным низким урожаем 1936 г., обусловленным засухой. В Свердловской области он составил 5,0 ц с га зерновых и бобовых культур [6, с. 151]. Документы свидетельствуют, что в 1937 г. на Урале фиксировались «продовольственные затруднения» и проявления голода, в том числе случаи смерти вследствие недоедания и голодного истощения. Причем, сильнее всего от голода страдали дети. Так, по донесению райпрокурора Манчажского района в начале 1937 г. семьи колхозников в некоторых сельсоветах находились в исключительно тяжелых условиях – голодали, дети «опухали» по причине голода и поэтому не посещали школы²⁵¹.

По данным заведующего Щучьеозерским районным отделом здравоохранения, предоставленным в Свердловский областной здравотдел в июне 1937 г., в Уразматовском сельсовете по причине голода умерли 19 чел., из них – 11 детей, на учет с голодными отеками было взято 34 чел. Аналогичная картина наблюдалась в Еношаевском и Ишимовском сельсоветах, где люди также отекали вследствие голода, и было зарегистрировано 6 случаев смерти. В Петропавловском и Богородском сельсоветах резко выросло число больных и «ослабленных», практиковалось массовое подкидывание детей (их нечем было кормить, поэтому от них хотели освободиться), получило распространение нищенство «в поисках питания» [6, с. 151]. Тяжелая продовольственная ситуация сложилась и в других районах Свердловской, а также Челябинской областей. Однако по своим масштабам этот голод уступал голодному бедствию начала 1930-х гг.

Несмотря на проявления продовольственного кризиса и голода, пусть локальные и эпизодические, руководство Свердловского областного управления народно-хозяйственного учета в сентябре 1937 г. докладывало в Свердловский обком ВКП(б) и облисполком о «росте благосостояния трудящихся», который должен был отразиться и на росте населения. Но, несмотря на повышение рождаемости, естественный прирост в Свердловской области за первое полугодие 1937 г. оказался невысоким, и если рождаемость увеличилась на 5,0 чел. на 1 тыс. населения, то естественный прирост увеличился всего лишь на 0,4 чел. на 1 тыс. населения [6, с. 68–69]. Потенциал роста численности населения за счет «естественного» воспроизводства, обеспечиваемый повышением рождаемости, не был реализован вследствие роста смертности. Второй раз за десятилетие социаль-

²⁴⁹ Посчитано по: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 25.

²⁵⁰ По данным С. Уиткрофта, естественная убыль населения проявилась в 1933 г. только на территории Свердловской области, она составила 7 тыс. чел. [посчитано по: 9, с. 877].

²⁵¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 565. Л. 30–30 об.

ные факторы (продовольственный кризис и сопутствовавшие ему эпидемии) обусловили ухудшение демографической ситуации.

Таким образом, продовольственные кризисы и голод были обусловлены форсированием темпов социально-экономической трансформации, продовольственный дефицит и недопотребление стали частыми явлениями в советской жизни.

В начале 1930-х и 1936–1937 гг. продовольственный кризис и голод негативно отразились на демографической ситуации, обусловили наступление кризисных явлений, особенно остро это проявилось в первой трети четвертого десятилетия. Наиболее тяжелым для населения стал 1933 г., когда голод достиг своего пика, а демографический кризис перерос в демографическую катастрофу.

Литература:

1. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сборник документов и материалов / сост. Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Оренбург: Изд-во «Оренбургское литературное агентство», 2005. Т. 1. 285 с.

2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: «Информатика», 1998. 187 с.

3. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993. 142 с.

4. Баранов Е.Ю. Заготовительная политика советского руководства в условиях кризиса сельского хозяйства в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов (на примере Уральской области) // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Оренбург: ОГПУ, 2003. Вып. 1. С. 197–211.

5. История крестьянства СССР: в 5 т. / Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М.: Наука, 1986. 448 с.

6. Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / составители Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 912 с.

7. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Документы и материалы: в 2 т. / Т. 2. 1929–1984 гг. / под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 455 с.

8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 927 с.

9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 1008 с.

10. Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. Свердловск: УралУНХУ, 1933. 388 с.

E.Y. Baranov

FACTORS AND INDICATORS FOOD CRISIS URAL IN PERIOD OF FORCED INDUSTRIALIZATION

The paper provides a theoretical characterization of the food crisis in the Urals in the period of industrialization. The role of the state agrarian policy.

Keywords: food crises, industrialization, Ural, USSR, public policy